

ИСТОКИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ: ВОЙНА И ОБЩЕСТВО

А.Г. НЕСТЕРОВ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ В ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ: ИЗ ИСТОРИИ ДЕМОКРАТИИ В XX ВЕКЕ

Особенности политического развития отдельных стран и регионов во второй половине XX века привели к новому в политической теории понятию «демократический транзит» и к возникновению нового направления политической науки – «транзитологии». Понятие демократического транзита подразумевает особенности развития общества переходного периода – общества, в котором осуществляется переход от режима, как правило, авторитарного (реже – тоталитарного) типа к демократическому либеральному режиму.

В середине XX века демократический транзит затронул ряд стран Европы, в той или иной степени относившихся к числу проигравших во Второй мировой войне. Однако демократический транзит в таких странах, как Венгрия, Польша, Чехословакия не состоялся – он был прерван новой волной тоталитарного строительства. В то же время Германия и Италия, казалось бы, могут считаться классическими образцами демократического транзита.

Объективно ли такое утверждение? Представляется, что демократический транзит в Италии и Германии – явление несколько иного порядка, чем демократический транзит, например, в Испании или Португалии. Тем более существенно понять особенности этого процесса, которые выделяют Германию и Италию из ряда других стран, прошедших период демократического транзита. В частности, и Германия, и Италия проходили стадию демократического транзита в условиях военного поражения, которое создало в общественном менталитете этих стран своего рода «комплекс поражения», важнейшей составной частью которого стало стремление к «преодолению наследия».

Естественно, что такое «преодоление» означало прежде всего поворот влево. Левая альтернатива проигравшему войну тоталитаризму в Италии была более значительной и серьезной, чем в Западной Германии, где коммунисты после Второй мировой войны так и не превратились в серьезную политическую силу и вскоре были признаны тоталитарной партией и запрещены. Однако наряду с «левой» существовали и другие альтернативы – «либеральная», «христианская» и т.д. При этом возникают базовые вопросы демократического транзита: были ли страны готовы к демократии? Были ли они готовы воспринять демократические идеалы и правила «демократической политической игры»? Востребована ли в этих странах либеральная модель развития? Наконец, возможно ли вообще привнесение демократии извне?

Германия и Италия пошли по разному пути. Это легко объяснимо при анализе реальных политических событий. Важнейшим различием между Италией и Германией было то, что итальянское государство в итоге Второй мировой войны сохранилось, хотя и прошло через военное поражение и гражданскую войну, а Германское государство было уничтожено победителями. Германия из

политического стала географическим понятием, и на ее территории победители могли осуществлять политические эксперименты: демократический – на Западе, коммунистический – на Востоке. Комплекс поражения привел к отсутствию в обществе негативной реакции на реформы; новые политические структуры воспринимались в Германии как данность.

Германия стремилась обрести новую ментальность. Как отмечала Хана Арендт, в стране господствовало «всеобщее бесчувствие» – отказ от оценки событий прошлого. Элементом демократического транзита на территории Западной Германии стала «быстродействующая техника забвения». Идея «покончить с прошлым» обозначила стремление к забвению страшного прошлого. Германия начала воссоздаваться с чистого листа, как новое, демократическое государство.

В Италии «чистого листа» не было. Гражданская война и движение Сопротивления 1943 – 1945 гг. привело не только к расколу общества и усилению в нем тенденций создания «социального государства». Фашистская Итальянская Социальная Республика, существовавшая на территории Северной и Центральной Италии в 1943 – 1945 гг., подчеркнула существование в рамках фашистского движения значительной по численности «фашистской левой», которая в послевоенный период примкнула к коммунистам. В то же время именно коммунисты были одной из ведущих партий Сопротивления, и активно разыгрывали «карту Сопротивления» в послевоенные годы. Сопротивление оставалось в Италии элементом политики на протяжении нескольких послевоенных десятилетий. Итальянская коммунистическая партия, непрерывно напоминавшая об идеалах Сопротивления, превратилась в Италии в ведущую оппозиционную силу. Кроме того, значительную роль играло Итальянское социальное движение – партия, которую по многим параметрам можно было считать наследницей «фашистской левой». В этих условиях правившая на протяжении большей части послевоенной итальянской истории Христианско-демократическая партия также была вынуждена провозглашать идеи «социального государства». Либеральная общественная модель в Италии, в отличие от Германии, во многом осталась не востребованной. Актуальность идей Сопротивления и «закрытой» Социальной Республики, идеи которой иногда даже использовались в социальной пропаганде послевоенного времени, хотя и без указания на авторов, привела к тому, что в Италии объективный подход к прошлому оказался невозможен. В сознании народа, по крайней мере, политически активной его части, Вторая мировая война осталась не завершенной.

Политическая актуальность противоречила задачам научной объективности. Отсюда – обвинения в адрес ученых, таких, как Ренцо Де Феличе и его ученики, как Фриц Фишер и др., которые стремились пересмотреть однозначно упрощенную оценку прошлого. «Политический класс» общества продолжал мыслить в условиях дихотомии: кто не с нами, тот против нас. Война, по крайней мере в сферах идеологии и политики, продолжалась и в условиях успешного демократического транзита.

Остается подчеркнуть, что и в Италии начала XXI века «преодоления прошлого» не произошло. Деление на «левых» и «правых» не потеряло актуальности, причем в адрес правых регулярно слышатся обвинения в фашизме или в близости к фашистским идеям (при этом слово «фашизм», как и в современной России, используется не в объективном значении, а скорее как определение,

близкое к ругательству). В этой ситуации возникает вопрос: а завершена ли Вторая мировая война, по крайней мере, в менталитете политических элит? Завершен ли демократический транзит, или он продолжается?

Подчеркну при этом, что с формальной точки зрения демократический транзит в Италии давно и успешно завершен.

Впрочем, Германией и Италией проблема демократического транзита в Европе не ограничивается. Необходимо отметить, что наиболее последовательно и успешно, наряду с Германией и Италией, демократический транзит был осуществлен в странах Пиренейского полуострова – Испании и Португалии. И на месте салазаровской «органической демократии», и на месте франкистского авторитарного общества сформировалась представительная демократия классического западного типа. Закреплению результатов демократического транзита способствовало вхождение обеих стран в Европейский Союз. Практически однозначно можно утверждать, что «отката» от демократии в сторону авторитаризма в этих странах не произойдет.

Говорить об успехе демократического транзита в других странах в настоящее время представляется преждевременным. Установление режимов представительной демократии в странах Латинской Америки, характерное для завершающих десятилетий XX века, не является столь надежным, как это произошло в Испании или Португалии. Многие из стран Латинской Америки находятся в состоянии гражданской войны, причем многочисленные повстанческие движения отвергают представительную демократию западного типа как явление, чуждое природе латиноамериканских народов. Становление и развитие в этом регионе демократических режимов во многом является результатом давления извне, прежде всего из Соединенных Штатов Америки, провозглашающих своей целью установление и защиту демократии во всем мире.

Еще более сложной представляется проблема развития демократии в странах Азии и Африки. Большинство африканских стран еще не преодолели раскол общества по родоплеменному принципу, и западные «универсальные демократические ценности и права» представляются большинству населения этих стран неясными и бессмысленными чужеземными лозунгами, противоречащими традиционным общественным ценностям. В азиатских странах с давними историческими традициями и государственностью, насчитывающей не одну тысячу лет, западные демократические ценности прививаются с еще большими сложностями, чем в Африке. Лидеры многих азиатских стран отмечают, что традиции их цивилизации древнее, поэтому для них не представляется неоспоримой универсальной ценностью западных демократических прав, свобод и идей. Часто утверждения и программы лидеров азиатских стран близки к идеологии органической демократии; многие из них отмечают существование «национальной идеи», объединяющей общество и способствующей укреплению его единства.

В результате можно отметить, что, несмотря на формально провозглашаемую демократию, для обществ, не относящихся непосредственно к Западной цивилизации (точнее, к ее наиболее развитой части – Европе и Северной Америке), демократический транзит является вещью неустойчивой и незавершенной, обратимой, и существующее в определенный момент развитие от авторитарного режима к демократии не является гарантией того, что в другой момент движение

не пойдет вспять, и возникающая демократия не трансформируется снова (причем – при активной поддержке народа) в общество авторитарного типа.

Отдельно необходимо охарактеризовать особенности демократического транзита в посттоталитарных обществах. Страны Восточной Европы, освободившиеся от коммунистических режимов, достаточно авторитарным образом стали строить у себя общество классической представительной демократии, поскольку были заинтересованы в скорейшем сближении с демократическим Европейским Союзом. Азиатские страны СНГ быстро трансформировались в общества «органической демократии» (такие, как Туркмения) или в авторитарные режимы с формально присутствующими демократическими институтами.

Более сложный путь избрала Россия. Строительство общества либерально-демократического типа не встречает однозначной поддержки народа, привыкшего к государственному патернализму и не имеющему традиции индивидуального труда и предпринимательства; опросы социологов показывают, что свыше половины российского населения поддержат установление авторитарного режима, если этот режим будет обеспечивать стабильность и минимальные социальные блага и гарантии. Лишь немногочисленные группы населения России считают самостоятельной ценностью демократические права и свободы личности и общества. Общественного консенсуса на пути создания общества либеральной представительной демократии в России не существует. Кроме того, в современной России не сформировались группы интересов, которые выражаются через политические партии (исключением являются ностальгические коммунисты, тоскующие по советскому прошлому и опирающиеся на значительную часть народа, а также немногочисленные партии, поддержанные оппозиционной городской интеллигенцией и предпринимательскими кругами, ориентированными на либеральную демократию – «Яблоко» и СПС). Поэтому гарантий успешного завершения демократического транзита, начатого анти totalитарной революцией 1991 года, для России в настоящее время не существует.